

Б.З. ДОКТОРОВ¹

¹ Независимый исследователь.
Фостер-Сити, Калифорния, США.

ЗАХАР ФАЙНБУРГ: «ИНАЧЕ ЖИТЬ Я НЕ ХОЧУ, НЕ МОГУ, НЕ УМЕЮ»

Аннотация. З.И. Файнбург (1922–1990) известен как основатель пермской социологической школы, один из пионеров экономической социологии в СССР, исследователь культуры и фантастовед. Здесь он предстает как двадцатилетний участник Великой Отечественной войны (ВОВ), сначала пехотинец и разведчик, потом — артиллерист, командир орудия. Начав войну на Украине, он закончил ее в Восточной Пруссии. Центральное место в статье занимает ценнейший исторический материал — серия писем Файнбурга с передовой, часто — непосредственно из окопа. Строки писем дышат эпохой, боями и одновременно раскрывают нам мир солдата, который со временем станет одним из ведущих отечественных социологов первой советской/российской когорты. Представленный материал дополняет биографический портрет известного социолога, а также способствует сохранению исторической памяти о ВОВ.

Ключевые слова: З.И. Файнбург; биография; историческая память; социологи-фронтовики; Великая Отечественная война; фронт; риск; вера в победу; образование.

Для цитирования: Докторов Б.З. Захар Файнбург: «Иначе жить я не хочу, не могу, не умею» // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 2. С. 157–166. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.8 EDN: XTRNUQ

З.И. Файнбург и его фронтовые письма

Яркий представитель первого «постоттепельного» поколения советской/российской социологии Захар Ильич Файнбург (1922–1990) относится к той группе творческой интеллигенции, представители которой участвовали в Великой Отечественной войне и потому ощущали свою повышенную ответственность за правду в отражении жизни. Назову писателей и поэтов Виктора Астафьева, Василя Быкова, Бориса Васильева, Булата Окуджаву, Давида Самойлова, Бориса Слуцкого, Александра Солженицына, Юрия Трифонова, скульпторов Эрнста Неизвестного и Вадима Сидура. Безусловно, этот список можно продолжить, но хотелось бы назвать социологов, прошедших через войну: Нариман Аитов,

Александр Зиновьев, Самуил Кугель, Николай Мансуров, Михаил Руткевич, Фридрих Филиппов, Анатолий Харчев, Владимир Шубкин. Уверен, это не все, уверен, но вспомним всех...

Так сложилось, что лишь с С.А. Кугелем я смог побеседовать в процессе моего историко-социологического исследования. Но о Н.А. Аитове рассказали его родные и ученики, Ф.Р. Филиппова и З.И. Файнбурга вспомнили их сыновья, о В.Н. Шубкине с теплотой говорили его друзья Владимир Ядов и Владимир Шляпентох.

И неожиданно в преддверии 80-летия Дня Победы сын З.И. Файнбурга — Григорий Файнбург прислал мне серию писем отца с фронта, за что я глубоко благодарен ему. Этот материал дышит эпохой, боями и одновременно раскрывает нам мир юноши, который со временем стал одним из ведущих отечественных социологов первой когорты.

З.И. Файнбург — доктор философских наук, профессор, основные области его исследований: социология труда, социальное планирование, социология культуры и социология будущего.

Файнбург родился через четыре года после Октябрьской революции и испытал все тяготы становления и расцвета сталинизма: арест и потерю родителей, воспитание в детском доме, войну, послевоенные годы борьбы с «безродными космополитами» и невозможность жить в Москве. На протяжении всей жизни ему приходилось постоянно преодолевать идеологические препятствия, возникавшие на пути публикации его пионерных экономических и социологических работ, прибегать к эзопову языку литературных рецензий, научной фантастики, прикрывающих его социологический анализ с целью изложения своего понимания общественного развития. «Моя жизнь была тяжела, но, — говорил он, — не была бременем» [1].

В детдоме Захар много читает, начинает знакомиться с философскими и литературно-критическими произведениями, затем поступает в известный Московский институт истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского (ИФЛИ), где учится у выдающихся обществоведов. 9 июля 1941 года добровольцем уходит на фронт. Вернувшись с войны, с отличием оканчивает экономический факультет МГУ и вынужденно уезжает на работу в тогда далекую, провинциальную Йошкар-Олу. Лишь в 1960 году он переезжает в промышленно развитую Пермь и до конца жизни работает в Пермском политехническом институте. После смерти Сталина и реабилитации родителей Файнбург смог защитить кандидатскую диссертацию по конкретной экономике, тогда же он начинает социально-экономические исследования на промышленных предприятиях, что в конце 1950-х было делом новым и малопонятным.

Приведу фрагмент интервью с Т.И. Заславской: «[З.И. Файнбург] был лидером Пермской социологической школы, которая имела очень высокий авторитет и оказывала огромное влияние на интеллектуальную жизнь города. Они теми или иными путями сотрудничали со своим относительно прогрессивным обкомом партии, иначе их просто стерли бы в порошок. А в меру сотрудничая и в меру вольничая, они смогли создавать интересные работы» [2].

Файнбурга можно обоснованно рассматривать как одного из пионеров экономической социологии в СССР и зачинателя прикладных исследований в области социологии труда. Он был среди первых, кто открывал тематику социального планирования на производстве.

Как философ и социолог Файнбург многие годы отдал изучению природы социалистического общества, сущности культа личности. Он внес серьезный вклад в развитие теории культуры. Файнбург не только экономист, философ и социолог, он — фантастовец, его причисляют и к видным отечественным культурологам. Нельзя не отметить работы Файнбурга футурологической направленности. Здесь удивительным образом соединились глубокое знание им природы социалистического общества, а также любовь и профессиональное понимание научной фантастики. Он дружил с братьями Стругацкими и переписывался со Станиславом Лемом.

З.И. Файнбург — один из создателей уральской социологии, основатель научной школы. Традиции, заложенные им, живы и развиваются в рамках многолетних «Файнбургских чтений» в Перми.

Письма с передовой

22 июня 1941 года студент первого курса экономического факультета ИФЛИ Захар Файнбург готовился к экзамену по математике и услышал сообщение о начале войны. После стихийно возникшего митинга в общежитии ИФЛИ на Стромынке все отправились в военкомат. Но обязательному призыву подлежали юноши только 1918 года рождения и ранее. У Файнбурга, 1922 года рождения, был запас второй категории. В армию его не брали, даже добровольцем. И он включился в общественную работу, начал помогать в райкоме комсомола, проводил там дни и ночи. В итоге 9 июля 1941 года ему удалось в Сокольническом райкоме ВКП(б) получить специальную повестку добровольца для вступления в Красную Армию.

Пройдя военную подготовку, Захар в конце августа 1941 года попадает на фронт, воюет, лечится от болезней и ранений, учится военному делу. Осенью 1945 года он демобилизуется и с жадностью — это читается в его фронтовых письмах — продолжает учебу.

Один год пять месяцев Файнбург был на передовой, участвовал в боях, сначала в пехоте и войсковой разведке, затем (в 1944–1945 годах) в дивизионной артиллерии командиром орудия. Начал войну на Украине, прошел Белоруссию, Польшу и окончил войну на берегу Балтийского моря в Восточной Пруссии.

Кому и о чем писал Захар Файнбург с фронта, сейчас трудно сказать. В его личном архиве сохранились лишь письма к нему, в основном от девушек, с которыми он дружил. Одним из адресатов, кому он регулярно писал, была его двоюродная сестра Лиза, младше его на четыре года.

После войны искать письма с фронта никому в голову не приходило, но шли годы, минуло почти 60 лет после окончания войны. К тому времени не стало Захара Ильича, умерла и его жена. В начале 2000-х годов старую бабушку Лизу в Москве внучка стала «уплотнять» в квартире, и где-то в шкафу обнаружился сверток с письмами 1943–1945 годов. Все передали сыну — Григорию Захаровичу Файнбургу, он разобрал их, внимательно прочел, оцифровал и опубликовал написанный по ним рассказ о фронтовых дорогах отца. Позже ученики З.И. Файнбурга, работавшие на телевидении, сделали на основе писем фильм «Философия войны».

О чем эти письма? Обо всем. О любви и о жизни, о фронтовом быте, о смерти в боях, о патриотизме, о воинском долге, о друзьях и подругах, об учебе.

Какие-то письма, по мнению приславшего мне их Г.З. Файнбурга, стандартны, типичны, конкретны и не очень интересны, но все равно хотелось бы и в них заглянуть. Есть письма о «вечном», они особенно интересны, поскольку мы знаем их автора, его послевоенную жизнь. Можно с уверенностью говорить: Файнбург остался верен тем взглядам на мир и тем ценностям, которые были присущи ему, двадцатилетнему. А ведь нередко он не был уверен, что допишет письмо.

Одной из обсуждаемых тем — надо помнить, что все письма прочитывались военной цензурой — было участие в войне, ведь Захар пошел воевать, когда мог бы отсидеться в тылу. У него была студенческая бронь и т. п.

Из письма 10.06.44 (полевая почта 08733 «Г»):

«...“Ниже летать” я, конечно, не буду, но я и сейчас достаточно осторожен. У меня нет никакого желания на третий год войны погибнуть от дурацкой пули. Если достанет, так чтобы это действительно мне предназначалось...

Я стал веселее — верно. Вместе с тем чертовски скучно. Надоело слушать грохот орудий, свист пуль, вой осколков, надоело ходить, пригибаясь, по траншеям и выглядывать в небо, кто летит: “Мессер” или “Як”. Надоело жить в земле, спать одетым, кушать из котелка, а не из тарелки. Надоело писать письма и ждать их. Я так истосковался по книгам, по Москве, по всем вам!

От этого всего еще больше сатанеешь и лезешь напролом, иногда зря. Нет границ дикой ненависти к этой проклятой сволочи, топчущей нашу землю, мешающей каждому заниматься своим делом: учиться, строить, любить, радоваться — быть творцом своей жизни, своего счастья. Они просчитались — они забыли, что мы умрем стоя, но не встанем на колени.

Прошли тяжелые дни 1941 года, победа уже близка, она видна и осязаема, и потому рвешься и лезешь — хоть уж скорее бы кончилось это...»

Из письма 18.06.44 (полевая почта 08733 «Г»):

«...Я стал писать реже по тем самым совсем горячим причинам. Твое письмо получил в самый разгар и читал между выстрелами по два слова. Сейчас, когда я пишу это письмо, фриц делает огневой налет и моя “квартира” размером 1 м x 2 м, вырытая в земле и перекрытая бревнами, трясется, как в лихорадке. Огрызается он [фриц]¹ зря. Сегодня, когда как раз читал твое письмо, три снаряда, которые упали ближе всего ко мне, не разорвались. Короче, пока жив, здоров и собираюсь таковым быть. Ежели чего случится, напишу».

Из письма 23.06.44 (полевая почта 08733 «Г»):

«Сестреночка, родная!

Когда ты получишь это письмо, то уже будешь знать, почему не могу я тебе теперь писать часто. [Начались активные бои.] Но сегодняшнее письмо — исключение... я доволен. Доволен, что война не вышибла из меня всего и даже в некоторых отношениях добавила. Я все же лучше стал понимать людей...

Что касается необдуманного [скорее всего, речь идет об уходе на фронт добровольцем], то это совсем не так, сестреночка, как тебе кажется. Дело не в крестах. Эта вещь, которая меньше всего могла бы заставить меня делать что-либо.

¹ Здесь и далее в письма уточнения в квадратных скобках внес Г.З. Файнбург. — Прим. ред.

У каждого человека свои убеждения, свой склад характера; каждый человек им повинует, когда определит свой образ жизни. Мои убеждения, мой характер заставили меня сделать то, что ты называешь необдуманным. Это было продумано не одной бессонной ночью, не говоря уже о днях. Иначе жить я не хочу, не могу, не умею...

Я не помню, кажется, я писал об одном случае, который был не так давно. Нужно было пройти во весь рост по высотке, по которой бил снайпер. Не моя вина, что он три раза промазал по мне. Это не было необдуманным, не было дурным риском — этого требовал долг, и я это сделал, хотя мне и было страшно. Я ведь человек, и жить мне хочется не меньше, чем кому-либо, но на то даны мне разум и воля, чтобы ради Родины, ради жизни рисковать в нужный момент ею. А таких случаев было очень много. Писать и уговаривать — бесполезная трата бумаги. Я буду жить и делать так, как велит мне долг, мой разум, моя совесть. Если потребуется для этого рисковать жизнью — значит, будем рисковать... Вот пока и все — остальное в сводке Совинформбюро».

Из письма от 20.07.44 (полевая почта 08733 «Г») (написано карандашом с двух сторон на 8 аккуратных кусочках плотной бумаги размером с малую игральную карту):

«Дорогая сестреночка!

Если я пишу тебе на такой бумаге, то это просто потому, что время для письма выбрал немного неудачное: идет бой, оружие на прямой наводке. Перерыв в огне, и, я, сидя в узком грязном окопчике, неожиданно решил ответить именно сейчас на твое большое письмо с бумагой.

Виноват, наверное, К.: его предположение разозлило меня чертовски. Посидел бы он так, как я, три года под огнем. А тем более сейчас, после штурма Гродно [донеманской части], когда мы уже вышли на германскую границу. Это после того, как вчера убило моего хорошего друга — тоже командира оружия. Чего уж там говорить. Я ведь не уверен даже в том, что допишу это письмо!

Вообще-то говоря, представить себе фронт по рассказам, кино и т. п. Н-Е-В-О-З-М-О-Ж-Н-О! Есть разница, и неизмеримо огромная, настолько, что величина ее равна бесконечности, между свистом снаряда, пули, осколка, свистящего в тебя и свистящего хотя бы по соседу, не говоря уже о героях, на экране или на бумаге.

Кто не слышал удесятенного этого свиста, кто не видел, как, припадая на колени, целится в тебя фигура в зеленой шинели, кто не видел, как стоит насмерть оружейный расчет против ползущих танков, против пьяных ревущих и стреляющих зеленых шинелей, когда люди, до боя вздрагивавшие от сильного стука, теперь отмахиваются руками от пуль и мельком чешут ушибленное [место] ударившим плашмя осколком на спине. (Это было недавно с моим наводчиком.)

Кто не видел и не пережил сам этого, тот никогда не поймет разницы между войной, фронтом, передовой и спором на производственном совещании или мелким жульничеством при подсчитывании дебета и кредита, актива и пассива годового бюджета.

Объясни это когда-нибудь К., а то я ему после войны, если жив буду, объясню. Разговор будет не из приятных.

Что касается до непонятного тебе, то сейчас расскажу тебе суть дела, а подробнее — после. Это тема большая и длинная. У меня есть определенный круг идей, которые я считаю правильными и защищать буду всегда. Есть Родина, которая остается ею, несмотря на то что иногда так, а иногда и не так по отношению лично ко мне. “Лес рубят — щепки летят”.

Вряд ли ты разберешься в этой путанице слов. Если нет — придется отложить. Об этом не распишешься больно много...

Бумаги теперь не шли — хватит трофейной немецкой.

Пиши чаще и больше.

Привет всем. Крепко целую. Твой Зоря».

Из письма «в ночь с 16.09.44 на 17.09.44» (полевая почта 08733 «Г»):

«Получил сегодня от тебя письмо и спешу (благо — дежурю, все равно ночь не спать) ответить...

...Мне тоже кажется, что я мало изменился, возмужал, постарел...

Лучшие годы наши прошли в земле, в траншеях, под минами, пулями, снарядами, на бесконечных фронтовых дорогах в пургу, дождь, жару. Мы в свои лучшие годы мечтали не о Гефсиманских садах — мы мечтали о простой постели, чашке горячего кофе, о книгах, мечтали даже не о ласке любимой — хоть о письме от нее. И как мечтали!.. За эту мечту о свободном счастье жить, созидать, любить мы шли в бой, глядя в лицо смерти...

Мы устояли и мы победим, — а теперь уже нет сомневающихся, — потому что в бой, на смерть мы шли во имя жизни, потому что всегда за нашей спиной была наша Мать-Родина, а в бой вела партия большевиков».

В письмах 1943–1945 годов, написанных в разной обстановке, когда война была на переломе и особенно когда кончалась, властно звучит тема, как жить после войны. ЗИФ [Захар Ильич Файнбург. — *Прим. ред.*] писал и об учебе, ибо он ушел на фронт со студенческой скамьи и учеба была основной частью его жизни.

Из письма 19.05.43 (учебный полк) (полевая почта 51158 «Б»):

«...Кстати, мне скучно сидеть здесь не потому, что негде веселиться, таковых мест здесь много. Можно повеселиться так, что долго не забудешь. Увы! Эти развлечения не по моему вкусу. Скучно потому, что надоело сидеть здесь, нет почти совсем книг, никого нет близких мне людей, и письма я получаю в месяц один раз от тебя и еще от одной личности...

...Выбирай тот институт, ту специальность, которая тебе по душе (а не по карману). Гони ко всем чертям все советы и мысли, ставящие впереди материальную сторону. Человек должен на работе гореть, чувствовать, что этой работе он готов отдать душу и жизнь свою. Вот из этих соображений нужно выбирать специальность...

Читай больше художественной литературы, только не развлекательной, а серьезной. Читай серьезно, вдумываясь в прочитанное, ищи причины, вызывающие поступки и мысли людей. Для современного человека книга — одно из главных окон в жизнь, и поэтому надо уметь находить в ней правдивое и нужное и выбрасывать фальшивое и ненужное.

Учись, Лиза, жить — это самое большое и трудное искусство, учись быть настоящим полноценным человеком — это самая трудная профессия. А главное — будь сама перед собой всегда до последнего честной, умей всегда ясно видеть и оценивать свои поступки и никогда при этом не лги себе и не позволяй другим тебя обмануть.

Если жить иначе, то жить трудно и плохо, подчас попадешь в такой тупик, что будет казаться, что и невозможно. Вообще, старайся жить так, как хочется, а не так, как кто-то хочет заставить».

Из письма от 2.12.44 (полевая почта 08733 «В»):

«...Пришли мне бандеролью бумагу, ибо кончились и трофеи, и резервы. Попробуй прислать бандеролью следующие книги: Ленин “Империализм, как высшая стадия капитализма”, “Государство и революция”, Энгельс “Происхождение семьи, частной собственности и государства”. Достаточно краткий, но достаточно хороший курс высшей математики. Краткий философский словарь.

Попробуй любым способом. Я решил, несмотря ни на что, все-таки заниматься».

Из письма от 16.12.44 (полевая почта 08733 «В»):

«...Я, наверное, все же после войны пойду в МГУ (ИФЛИ ликвидировали) на философский или экономический. О литературной деятельности я не мечтаю, а наброски делаю больше для собственного удовольствия. Когда много видел и много пережил, хочется поделиться с кем-нибудь ими, хоть с бумагой... [Какое-то время перед самой войной под влиянием творческой атмосферы ИФЛИ первокурсник Захар Файнбург стал было подумывать о писательском поприще и даже хотел ради этого оставить учебу на экономическом факультете, но началась война.]

Оправдание, и тем более о хандре, не принимаю. Работать надо, учиться надо, а не хандрить... Вы, дорогие мои, не понимаете, что значит любимое дело, что значит учиться ему. Мне сейчас дали бы волю, я бы сутками сидел и занимался. Мне сейчас научная книга по специальности несравненно интереснее любого романа. Я тебе очень серьезно говорю, сестреночка. Учись серьезней: без этого жить нельзя, жить трудно».

Из письма от 25.12.44 (полевая почта 08733 «В»):

«...У меня все в порядке. Вчера получил некоторые книги, которые раньше просил прислать. Высылай то, о чем тебя просил. Да добавь “Историю ВКП(б)” в хорошем издании. Здесь даже эта книга одна на подразделение».

Сын З.И. Файнбурга об отце

Захару Ильичу было всего 19 лет, когда началась война, 23 года, когда она закончилась... Война оказала огромное влияние на всю его последующую жизнь и на все его восприятие действительности.

«Мы не от старости умрем — от старых ран умрем», — частенько повторял он строчки рано умершего поэта-фронтовика Семена Гудзенко, которого лично знал не только по учебе в ИФЛИ, но и как соседа по площадке и подъезду в первые послевоенные годы. И это была правда...

Обмороженные зимой 1941–1942 годов ноги ЗИФ всю его жизнь требовали шерстяных носков, мягкой обуви; психические травмы военных действий долгие годы заставляли его просыпаться от снов, полных крови и крика... Его болезни были продолжением фронтовых заболеваний и ранений...

Но не только тело — душа продолжала болеть... Болеть за горести отступления, за гибель друзей, за разоренную землю Белоруссии — его родины, за все тяготы, горести и несправедливости войны...

Всю жизнь ЗИФ почти постоянно вспоминал о войне, тщательно приобретал и внимательно читал книги о войне, думал о ней, анализировал... очень редко вслух вспоминал личное... и иногда писал. Его заметки о войне сохранились среди других рукописных листов его огромного архива...

Приведем одну из тех заметок ЗИФ, где он пытается подвести некоторые итоги своей войны:

«Плохо воевать было невозможно: либо тебя убивал неприятель, либо ты шел под трибунал... Можно было воевать “лучше” или “хуже”, но и тут не могло быть и речи о какой-то единой, однозначной шкале оценки.

Пробыв примерно 1 год и 5 месяцев за войну на самой собственно передовой (без разных там прифронтовых запасных, медсанбатов и т. п.), я могу сказать, что совесть моя за эти примерно 1,5 года чиста, хотя кто-нибудь мог бы, наверное, как-то иначе оценить многое в моем поведении.

Бравада, игра с опасностью органически мне чужды. Я пережил этих опасностей много и самых разных. Отнюдь не только на войне и совсем не впервые на войне. Наоборот, еще задолго до войны, еще на Дальнем Востоке я совершенно точно и наглядно усвоил простейшую из трех простых идей: с природой играть нельзя. Она не играет, она просто существует как бесконечная, подвижная, флюктуирующая данность. В ее флюктуациях, в ее движении, потоке нет и капли самосознания, каких-то правил и всего такого прочего, без чего вообще не может быть игры. Даже собаки играют по правилам. Она [природа] закономерна, что означает, что в самом конечном счете можно выделить тенденцию, нащупать границы ее флюктуаций, однако не более того. Вот почему игра с природой — это фактически игра с самим собой: ошибешься или нет... И ошибиться можно только один раз...

Игра с войной — абсолютно то же самое.

Вот почему для меня война всегда, все четыре с лишним года — это опасная, очень и очень опасная работа. Можно было бояться сколько угодно, можно было бояться “до” или “после”. А непосредственно во время войны (боя, принято говорить, но этот занюханный стереотип мне давно претит) надо было делать свое дело, выполнять свой долг и стараться при этом остаться в живых. Конечно, не за счет того, чтобы подставить вместо себя другого».

3.И. Файнбург — потомкам

Один из наиболее личностных (и, наверное, самый первый, но не вошедший в окончательный текст) рукописных набросков начала главы о войне для книги Файнбурга «Не сотвори себе кумира...» (1991) начинался так:

«Вместе с нами уйдет и эта война...

“Кто не был — побудет, кто был — х... забудет!” — была такая пословица в те лихие годы.

Сколько бы ни тужились писатели, режиссеры, поэты и композиторы, война — настоящая, ТА война — уйдет вместе с нами. Война живет в строках Виктора Некрасова, Константина Симонова, Григория Бакланова, Василя Быкова... но она по-настоящему оживает — становится объемной, звучащей, приобретает цвет, вкус и запах — только в нашей памяти, подогретой, стимулированной черными линиями строк.

Война — это не только ужас, не только смерть и горе... Война — это жизнь: способ жить, тип культуры, в котором все есть, но все несет на себе особую печать...

Но не должно уйти с нами все. Социально-политические уроки войны должны остаться. Это не реминисценции, не образы, а сухая логика человеческих ошибок и побед, человеческой мысли. И здесь война еще долго будет поучительной: не зря все идеологические старатели так тщательно моют и замывают песок фактов, воспоминаний и свидетельств. Война оголила много в этой социальной механике, сделала явными многие тайны земных богов, показала, потыкала в нас причудливым переплетением подлости и гордости, радости и мерзости, верности и предательства...

Учитесь, внуки! Учитесь... и будьте бдительны!..»

* * *

Многие строчки из писем З.И. Файнбурга можно было бы использовать в виде заголовка к этому материалу, но взяты слова из письма от 23.06.44: «Иначе жить я не хочу, не могу, не умею». Прошло ровно три года войны, Захар — уже опытный солдат, многое видено, многое осмыслено и пересмотрено. И эти слова звучат как клятва, как обет себе. И, несмотря на все трудности послевоенного времени, на ухабистый путь в науке, Файнбург всегда оставался верен этим главным жизненным принципам.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь. **Электронная почта:** bdoktorov@inbox.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 157–166. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.8](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.8)

Archive

BORIS Z. DOKTOROV¹

¹ Independent researcher.

Foster-City, California, USA.

ZAKHAR FAINBURG: “I AM UNWILLING AND INCAPABLE TO LIVE ANY OTHER WAY”

Abstract. Z. Fainburg (1922–1990) is known as the founder of the Perm school of sociology, as one of the pioneers of economic sociology in the Soviet Union, a man who studied culture and science fiction work.

Here he is presented as a 20 year old fighting in the Great Patriotic war (GPW), initially as an infantryman and spy, and later as an artilleryman, a master gunner. He was first deployed to Ukraine, and by the end of the war he wound up in Eastern Prussia. The article mainly focuses on extremely valuable historic material in the form of a series of letters written by Fainburg while he was on the front lines, often straight from inside the trenches. His letters captured the spirit of the times, of the battlefield, while at the same time giving us an insight into the life of a soldier who would go on to become one of the most prominent sociologists of the first Soviet/Russian cohort. The material presented contributes to the biographical portrait of a famous sociologist while also helping to preserve the historical memory about the GPW.

Keywords: Z. Fainburg; biography; historical memory; war veteran sociologists; Great Patriotic war; frontlines; risk; believing in victory; education.

For citation: Doktorov, B.Z. Zakhar Fainburg: “I am unwilling and incapable to live any other way”. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 31. No. 2. P. 157–166. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.2.8](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.8)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boris Z. Doktorov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent Researcher.

Email: bdoktorov@inbox.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Файнбург З.И.: «Идти вперед!» Григорий Файнбург отвечает на вопросы Бориса Докторов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2017. № 1 (121). С. 10–18. Дата обращения 20.05.2025. URL: <http://www.old.teleskop-journal.spb.ru/files/2017/2017-1-03.pdf>
Fainburg Z.I.: “Move Forward!” Grigory Fainburg answers Boris Doktorov’s questions. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. 2017. No. 1 (121). P. 10–18. Accessed 20.05.2025. URL: <http://www.old.teleskop-journal.spb.ru/files/2017/2017-1-03.pdf> (In Russ.)
2. Т.И. Заславская: «...Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — наука» // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 137–169. EDN: PCVZVF
T.I. Zaslavskaya. “...I knew since my childhood that science is the most interesting and respectable work”. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2007. No. 3. С. 137–169. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 23.04.2025; поступила после рецензирования и доработки: 13.05.2025; принята к публикации: 30.05.2025.

Received: 23.04.2025; revised after review: 13.05.2025; accepted for publication: 30.05.2025.